

УДК 130.3

Социологические науки

Карпова Е.В.,
аспирантка 4 курса
Краснодарского государственного
института культуры,
г. Краснодар, ул. 40 лет Победы, 33
Zenja99999@mail.ru
Научный руководитель:
Гриценко В.П.,
д.ф.н., профессор кафедры философии
Краснодарского государственного
института культуры

О СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ ВОЙНЫ И НАСИЛИЯ В ДОИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация: в статье рассматривается проблема вооруженного насилия как родовая социальная характеристика человека. Обсуждается природа войны в связи с природой человека. Уделяется внимание проблемам гуманизации человека и общества.

Ключевые слова: человек, общество, насилие, война, антропология войны.

Karpova E.V.,
graduate student 4 courses
Krasnodar state institute of culture,
Krasnodar, 40 years of the Victory st., 33
Zenja99999@mail.ru
The research supervisor:
Gritsenko V.P.,
professor of department of philosophy
of the Krasnodar state institute of culture

ABOUT SOCIAL ANTHROPOLOGY OF WAR AND VIOLENCE IN PREINDUSTRIAL SOCIETY

Summary: in article the problem of the armed violence as the patrimonial social characteristic of the person is considered. The war nature in connection with human nature is discussed. The attention is paid to problems of a humanization of the person and society.

Keywords: person, society, violence, war, war anthropology.

В статье рассматривается с философских позиций социальная природа войны, ее антропологические основания. Основной метод рассмотрения – это систематический и конкретно-исторический анализ феномена войны и его сущности.

Дискуссии о природе насилия в среде живых существ и вооруженного насилия в обществе многообразны. Даже самый беглый обзор историографии проблемы вооруженного насилия показывает, что практически ни один исследователь не мог игнорировать социально-исторический характер данного явления. Во французской «Энциклопедии» [1] отмечались существенные социальные и исторические черты, которые приобретает в различные эпохи вооруженное насилие.

Остановимся на краткой характеристике взглядов просветителей по нашей проблеме, суммируя их по пунктам:

а) военной искусство героизируется в обществе и поэтому военные подвиги символизируются как высшие эталоны чести, славы и доблести;

б) войны законны или незаконны в зависимости от того, справедливы их цели. Справедливые войны имеют целью защиту религии, Родины, собственности и личности от захватчиков. Государь должен объяснить истинные причины войны как средства для естественной защиты, война должна иметь моральное оправдание и не истощать людей;

г) в войне должны соблюдаться законные пределы правосудия и не должно совершаться вероломства, выхода за пределы допустимых норм: не разрешается преднамеренно лишать жизни захваченных в плен, просящих пощады и сдающихся, стариков, женщин, детей и других лиц, которые не могут по возрасту или положению оказывать вооруженное сопротивление и лишь находятся во враждебной стране;

д) война отрицательно сказывается на нравственном и социальном облике общества и заглушает голос правосудия, религии и человечности, она сеет голод, разорение, разрушает города, развращает нравы и порождает большое число несчастных.

Мы видим, что в центре внимания просветителей социальные мотивы и социальные последствия войны. С одной стороны, идет апелляция к естественной природе и естественному праву человека на жизнь и на защиту. Далее обсуждаются критерии справедливой войны и допустимые средства насилия как средства борьбы с захватчиками. Политическая ответственность возлагается всецело на правителя, а основными нормами и критериями справедливости выступают нравственные и правовые критерии, основанные на концепте естественного права. Главное достоинство этой концепции – признание ограниченного характера допустимости войны и гуманистический ракурс рассмотрения проблемы. Основной заботой энциклопедистов выступает господство гуманистических норм, ценностей и сохранение нравственного и социального здоровья общества. Основным фундаментальным аргументом этой концепции – это признание наличия естественной природы человека, нормальной и гуманистичной по своей сущности.

Рассмотрим внимательнее подходы к изучению структурно-процессуальных аспектов различных форм вооруженного насилия. Среди целого ряда категорий, характеризующих эти аспекты, важное место занимает изучение системы средств, которое общество вырабатывает и создает для ведения вооруженного насилия и которое может быть названо «военная мощь».

В научной литературе подчеркивается, что понятие военной мощи обусловлено исторически: на разных этапах развития одни элементы выходили на первый план, другие уходили на второй, а то и вовсе теряли значение. При рассмотрении составляющих военной мощи государства принято разделять их на три группы:

- а) людские, естественные ресурсы, которыми располагает страна,
- б) уровень развития производительных сил и технологии,
- в) уровень социальной и социально-политической организации общества.

Заметно, например, что уже на ранних стадиях развития, в традиционном обществе превосходство в технологиях и организации превращалось в военное преобладание, порой долговременное. Известно, что римские легионы уверенно сокрушали более многочисленного противника, прежде всего, благодаря своей организации и дисциплине. Способность производить в значительных для своего времени количествах железо и, следовательно, оружие и доспехи могла привести к господству тех или иных стран, народов и областей. Понятно, что значение рыцарской конницы стало падать не столько из-за появления огнестрельного оружия, сколько благодаря действиям хорошо организованных подразделений наемников, дисциплинированной пехоты. Поэтому можно утверждать, что социально-антропологические свойства войны предполагают тесную увязку личных ресурсов, технологии и социальной организации.

Л. Мэмфорд хорошо это зафиксировал в понятии «социальной мегамашины», «милитаристской машины» [2,84-87]. «Человеческие машины» возникли в эпоху древних царств (Месопотамии, Индии, Китае, Египте, Перу) и представляли собой формы комбинации человеческих специализированных усилий и использования коллективной энергии для выполнения работ. Они демонстрировали себя не только как грандиозные трудовые машины при сооружении дворцов, пирамид, ирригационных сооружений, но и как военная сила. Работу этой машины обеспечивали правитель, жрецы-идеологи, наука (астрономия), аппарат принуждения.

Обязательной предпосылкой существования такой «невидимой машины» является наличие семиотической системы [3], которая обеспечивала координацию действий всех частей. Как указывает В.П. Гриценко: «Стандартная модель мегамашины передавалась от социума к социуму через армию. ... Изобретение письменности необычайно увеличило конструктивную роль мегамашины» [4,79].

Средневековая военная машина также имела хорошую идеологическую основу и основная сила европейской армии, видимо, была заключена в ее идеологической основе. Средневековая раздробленность способствовала перманентной гражданской войне. В этот период в Европе сформировалось специальное военное сословие, характеризовавшееся личной доблестью и духовной мотивацией к военным сражениям. Благодаря этому германо-романской цивилизации удалось отразить два удара, которые грозили коренным образом изменить ход человеческой культуры для Европы. В 732 г. Карл Мартелл отразил при Пуатье натиск ислама, угрожавшего Византии и Италии и распространившегося по территории Франции до Луары. На Рейне активность проявляли также враги христианства – язычники и поэтому каналы связи с римской цивилизацией нарушились бы, если бы исчезла перемычка между Луарой и Рейном, защищаемая франками. В 955 году Оттон Великий на реке Лех (вблизи Аугсбурга) одержал победу над язычниками-венграми, представлявшими для Западной Европы опасность такой же катастрофы, какую вызвало впоследствии для Киевской Руси нашествие татар, считает А.А. Свечин [5].

В то же время, высокий военный потенциал показали норманны [6]. Громадные военные успехи Османской империи базировались на том, что в отличие от демократичной раздробленной Европы она представляла собой военную империю (государство). Вся система этой социальной организации была нацелена на получение прибыли путем завоевания. Военно-феодалная сущность этого социума проявлялась в структуре землевладения и государственного управления, которые были нацелены на завоевание новых территорий. Верховная государственная собственность на землю включала в себя фонд тимарной системы, основы военного могущества империи. Тимариоты проживали в своих условно-наследственных пенах и имели право сбора в свою пользу традиционно сложившейся нормы ренты. Платой за владение было выставление на войну ополчения пропорционально размеру лена [7]. В то время, когда Европа не имела постоянных армий, 10-15 тысяч тимариотов могло успешно комплектовать 80-130 тысячное войско. Это не требовало затрат из государственной казны.

Мусульманское население, как военнообязанное, платило только один крупный налог ашар (десятину). Немусульманское население платило харадж (до 1/3 урожая) и джизию на «неверных», как «компенсацию» государству за неучастие в завоеваниях, а также «чрезвычайные» поборы (аварис). Кочевые племена на территории империи также должны были обеспечивать военный вклад посредством посылки 1 конника от 5 лиц мужского пола в армию.

Таким образом, общая организация военной машины государства включала в себя ополчение тимариотов, конницу кочевников и янычарский корпус. В военных походах 80-130 тысячному войску требовалось большое количество обслуживающего персонала [8]. Социальное распределение военных обязанностей было закреплено государственно-идеологически: тюрко-мусульманское население поставляло воинов, а «неверные» должны были их финансово-экономически обеспечивать. Государство функционировало как военная машина на строго пропорциональной системе стимулирования и мотивации на экспансию, которая обеспечивала прибыль. Завоевание выполняло основную производственную функцию.

В Новое время взаимозависимость элементов, составляющих военную мощь государства, становится еще более сложной, опосредованной. В XVI в. Европа буквально дрожала от страха перед действиями испанской наемной пехоты, которая финансировалась в значительной мере драгоценными металлами. Это было возможно благодаря новому источнику, открытому великими географическими открытиями. Новый Свет и колонии стали источниками драгоценностей и оказали существенное влияние на соотношение сил в Европе.

Вообще, каждой фазе развития общества и каждому варианту культурно-цивилизационного развития присущи свои способы создания военной мегамашины с ее технологиями, методами организации, с особенностями природного и демографического развития. Исследователи обращают внимание, что, начиная с XVII в., число элементов, составляющих военную мощь, множится, их взаимосвязь усложняется. Эту проблему мы рассмотрим в следующей статье.

Список литературы и примечания:

1. «Война» // История в энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. Памятники мировой исторической мысли. – Наука (Л.), 1978. – 318 с.
2. Мэмфорд Л. Миф машины // Утопии и утопическое мышление: антология зарубежной литературы: Пер. с разных языков. Под ред. Чаликовой В.А. М.: Прогресс, 1991. – С. 84-87.
3. См.: Гриценко В.П. Культура как знаково-семиотическая система. Докторская диссертация. 2000.
4. Гриценко В.П. Социальная семиотика. – Екатеринбург: Инс-т международных связей, 2006. – С. 79.
5. См.: Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Том I. — М.-Л.: Воениздат, 1928.
6. Как указывает А.А. Свечин, 500—700 норманнов оказалось достаточно, чтобы отразить сарацин в Италии, выгнать их из Сицилии, побороть местную феодальную государственность и предпринять попытку завоевания Византии.
7. Мелкие тимариоты, имевшие годовой доход до 20 тысяч акче, выставляли от 2 до 6 воинов в ополчение, крупные (зеаметы) с доходом до 100 тысяч акче - не менее 15 воинов. Средний доход одного городского хозяйства составлял 100-200 акче. На одно акче можно было купить 7 кг муки.
8. В завоевании Вены в 1529 г. участвовали 40 тысяч верблюдов с погонщиками.